

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 130.2; 808.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Провокация: от институции к памяти о ней (рецензия на книгу Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот»)

Войислав Стоянович

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Аннотация. Книга Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот», вышла на русском языке в 2022 году, ее перевод был подготовлен в редакции белгородских философов. Автор рецензии, один из переводчиков книги, раскрывает тайны перевода и интерпретации сербского языка такого сложного мыслителя, каковым является известный философ П. Боянич.

Ключевые слова: Боянич, провокация, воззвание, призыв, насилие, переворот, революция

Для цитирования: Стоянович В. 2022. Провокация: от институции к памяти о ней (Рецензия на книгу Петара Боянич «Про/вокация. Воззвание и право на переворот»). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(2): 408–412. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Provocation: From the Institution to the Memory of it (Review of the Book by Petar Bojanic "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn")

Wojislaw Stojanowicz

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Abstract. Petar Boyanich's book "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn" was published in Russian in 2022, its translation was prepared in the editorial office of the Belgorod philosophers. The author of the review, one of the translators of the book, reveals the secrets of the translation and interpretation of the Serbian language of such a complex thinker as the famous philosopher P. Bojanic.

Keywords: Boyanich, provocation, proclamation, appeal, violence, coup, revolution

For citation: Stojanowicz W. 2022. Provocation: From the Institution to the Memory of it (Review of the Book by Petar Bojanic "Pro/vocation. Pro/vocation and the right to overturn"). НОМОТНЕТІКА: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 408–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-408-412

Provoco. Ita provocatione certatum ad populum est (Призываю. И воззвание было взыскано перед народом). <...> Но как оглашается атакованная жизнь? Как дается знать, как провозгласить provoco и как вжиться в собственную жизнь и защитить её, призывая других?
П. Боянич. Про/вокация. Воззвание и право на переворот

Главный персонаж

Петар Боянич, автор книги, о которой пойдет речь, сербский философ, ученик Деррида, известен многочисленными публикациями по истории философии, проблемам насилия, войны и мира, суверенитета и мессианства. «Provocatio. Vokatif, Ius, Revolution» вышла в 2008 году в Белграде. Написанная в форме литературно-философского эссе, она легко уводит читателя в глубь веков, в римскую античность. Через герменевтику монетного сюжета и литературных текстов – от историка Тита Ливия до Пьера Корнеля – автор реконструирует древнеримский институт провокации, связанный с судьбой римского воина-триумфатора Горация.

Не могу утверждать, но могу предположить, что огромное число людей между возможностью связать провокацию с позитивом или негативом, выбрали бы второе. Провокация – это пример того, как одно понятие может измениться, и, как это ни парадоксально, остаться неизменным... Это всё ещё отношение воззвание – ответ (акция – реакция), но какое воззвание, и какой ответ?! И одно, и другое есть, но они значительно изменили свою цель. Эта книга («Про/вокация. Воззвание и право на переворот»¹) напоминает нам о другом смысле того лингвистически неизменного термина – «провокация».

Понять одну версию чего-либо – не значит полностью понять эту идею. Понять облик – не значит понять суть. Понять нынешнюю суть, не значит понять изначальную суть. При изменении формы суть может остаться прежней. Суть тоже может измениться (по-другому быть понятой и принятой), а форма – нет. Задерживая свой (внешний) облик, продукт в силу порчи может измениться изнутри, и не только измениться, но и стать ядовитым – то, что может быть полезно, может «испортиться». Порча общественных феноменов, явлений, институций, конечно, зависит от общества, то есть от человека и его (не)понимания, потребностей, амбиций, интересов... Одно слово может звучать в том же тоне, но с другой эмоцией. Это значит, что его смысл и значимость могут более или менее измениться.

Автор этой книги, Петар Боянич, настаивает на слухе как главном предмете текста, что подтверждает в первом предложении его книги. Этот слух на самом деле является пониманием (другого человека), которое предвещает ответ. Другими словами, понимание возвания имеет решающее значение для осуществления ответа и тем самым для замыкания круга, называемого *провокация*. Она этим была и осталась (есть) – замкнутый круг акции и реакции. Однако современная инициатива (призыв, вызов) и ответ на неё по сути отличаются от тех, описанных в этой книге. Для того, чтобы понять «старое» значение провокации, института, который меняет, который является революцией, акцент

¹ Боянич. Петар. Про/вокация. Воззвание и право на переворот. Пер. с сербского Войслав Стоянович, Виктория Березняк ; научн. ред., авторы примечаний и послесловия: В. Римский, С. Борисов. Екатеринбург, Москва, Кабинетный учёный, 2022, 100 с. (Bojanić Petar. PROVOCATIO. Vokatif Ius Revolucija. Belgrade, Službeni glasnik, 2008)

возвращается к важным моментам, таким как воззвание и сила ответа (народа) и социально-исторический контекст.

Воззвание и сила ответа

В книге анализируется монета эпохи Римской республики, стёртый рельеф которой свидетельствует о её использовании, а патина – о давнем (для человека) периоде. Реверс этой монеты указывает на институцию, имеющей цель прийти на помощь судимому, который воззывает, призывает, иминует её, и защитит его жизнь, насколько это было возможно. На сцене находятся три человеческие фигуры – две, нападающие справа, и одна слева, которая под угрозой восклицает: «*Provoco!*!». Хотя только ответ является её реализацией, провокация не может существовать без личной инициативы, то есть воззвания со стороны личности, инициирующей потенциальную провокацию. *Provoco* – это право каждого человека, но оно должно быть выражением личной свободы, личного желания и, безусловно, должно быть лично инициировано (что автор напоминает). Каждый человек имеет право искать помощи (милости) в силе другого, отождествляться с другим и приглашать другого отождествляться с ним. Только тогда, когда человек получает ответ на свою настойчивость, провокация сбывается.

Анализируя монету, Боянич указывает на один очень важный факт. Фигуры, идущие справа, которые представляют исполнителей закона, слегка отклоняются назад в спешке. Это отклонение назад является самой ясной презентацией страха перед не бюрократическим, а истинным законом, который находится в силе народного отклика. Ещё до того, как отметить, что народ возван (призван, вызван), но не находится на сцене, автор указывает на то, что народ – тот, который использует эту монету как платежное средство. Может, его и нет на сцене, но он всегда присутствует вокруг сцены, держит сцену. Воззвание со сцены показывает, что всё на сцене зависит от народа, у которого больше силы (власти), чем у нападавших. Оно ломает все видимые и невидимые барьеры и открывает пространство для входа (выхода) народа на сцену.

Через эту монету автор возвращает нас к ещё более раннему периоду и описанием сцены, изображенной на ней, оживляет легенду о Горации, римском воине, который убил свою сестру из-за измены. Её вина, в понимании Горация, заключалась в том, что она оплакивала любимого человека, который был врагом Рима. Из-за убийства сестры Гораций подвергает свою жизнь опасности перед законом. Он является представителем всех граждан, который своим (не чужим) *provoco* обращается ко всем. Это знаменитое слово, которое он произносит в моменты немощности, его немощность превращает в мощь. Угроза все меньше него и все больше тех, кто хотел его судить. Активация народа воззванием уравновесила угрозу и ввела весь процесс в следующую фазу – пересмотрение.

Что является старым, но все ещё новизной для современного разговорного (но не академического, исторического и правового) понимания провокации, так это ответ (реакция) народа, без которого провокация не может быть осуществлена. В этом ответе находится сила, потенциал пересмотрения, который хочет активировать инициатор. Этот второй шанс, попытка нового понимания, новой интерпретации, нового отношения, нового принятия может быть криком человека, стремящегося спасти свою жизнь, а может быть и призывом к пересмотру общих ценностей общества. Он (второй шанс) – воззвание (призыв, вызов) и отклик, акция и реакция, это единение, достигнутое человеческое и социальное отношение, поиск индивида во всех (в каждом) и поиск всех в индивиде, обращение индивида за помощью и поддержка индивида сообществом. *Provoco* такое сильное, но всю свою силу черпает в ответе народа, который находящийся под угрозой воззывает. Без воззвания ответ был бы просто утверждением, а без ответа воззвание было

бы просто воем. Поэтому ответ на воззвание является сущностной основой провокации, её реализацией (имплементацией). *Provoco* адресовано прежде всего народу, но также и магистрату, теперь исполняющему закон в измененном обстоятельстве (перед народом).

Социально-исторический контекст

Сцена борьбы за жизнь, официально начинающаяся с инициативы "Provoco!", убирает исключительно негативный концепт провокации, который потом как-то «прикрепился» к этому выражению и покрыл собой все остальные нюансы, формы и потенциалы. «Осовременить» явление прошлого – значит в значительной мере лишить это явление исходных нюансов, зависящих от социально-исторического контекста. Сам автор утверждает, что сейчас правильно перевести произнесённое Горацием "Provoco!" – на самом деле перевести неправильно. Это значит, что форма *provocatio* прочно связана с ситуацией, общественным сознанием, формой общественных отношений, с пониманием индивида в обществе, а также с пониманием общества.

Provoco и ответ на него свидетельствуют о правовой институции *ius provocatio* (право, названное *provoco*). Эта народная институция продлевала срок рассмотрения преступлений и являлась гарантом справедливости для тех, кого судят официальные власти. Это промедление создавало нервозность в рядах правительства, которое все больше сокращало период активности этой институции. Такая атмосфера была плодородной почвой для злоупотреблений, и эта институция со временем исчезает. На место *provocatio* приходит *appellatio*. Сила народа начинает идентифицироваться в императоре, и от его понимания будет зависеть ответ на призыв, который принимает форму жалобы.

В книге упоминается и случай офицера Волерона Публилия (больше полутора века после Горация). Он не совершил законом осуждающий акт, но его непринятие и критика несправедливости правительства доставила ему неприятности, в которых он взывает к помощи трибунов, а затем и к институции *ius provocationis* (право на *provoco*). Когда ни одно, ни другое не сработало, он дополнительно воззвал (назвал, именовал) присутствующих, знакомых и, наконец, целевую группу граждан, с которыми себя идентифицировал, – соратников и ветеранов. В этих двух случаях контекст разный. *Provoco* Волера не имеет тот же эффект, как Горациевское, в основном из-за обстоятельства, при котором институция *ius provocationis* почти забыта.

Вывод

Некритическое принятие термина «провокация» подчеркивает исключительный негатив и даже в определённом смысле цинизм. Мы понимаем слово по-своему, не подвергая сомнению понимание его частей, которые являются (как и во многих других примерах) указателями значения их единения – про-вокация! Как *provoco*, физически потёрто на свидетельствующей о нём монете, так и его сущность «потёрта» другими слоями и нюансами и доведена до неузнаваемости. Трансформируясь, общество более или менее трансформирует изначальную идею своих институтов или, по крайней мере, покрывает их другими уровнями или нюансами. Институция *ius provocatio*, при всех её изменениях в период функционирования, является отражением отношений между обществом и индивидом. Насколько она показывала эти отношения, настолько забвение о ней показывает их трансформацию.

Возвращаясь к случаю Горация, может быть, не будет ошибкой заключить, что в какой-то мере его *provoco* является инсинуацией демократии (где была демократия, когда он убил свою сестру, когда сам судил, не дожидаясь народа?). Убийство сестры – это акт, отвергший демократию, и потом преступник, находящийся в опасности, стремится к демократии. Однако этот призыв нарушает закон «око за око» и создаёт атмосферу, в которой

гражданское право хотя бы на определенный период занимает место ответственности и так оттягивает исполнение приговора. На наш взгляд, автор хочет сказать, что демократия реализуется в понимании, когда люди понимают друг друга, реагируют и находятся рядом друг с другом. Именно эта потребность сохранилась со времен легенды о Горации до наших дней. *Provoco* – не только движимое страхом стремление быть помилованным, но и инициатива пересмотреть общие ценности общества. Оно инициатор «второго шанса», а может быть, даже покаяния.

Воззвание кого-то без ответа – это провоцирование, но это не провокация. В народе есть сила, но ключ к её активации находится в индивиде и личном желании активировать её. Однако интенсивность провокации зависит не от того, насколько сильна инициатива прозыва, а от меры чьей-то спровоцированности (как прозыв понят и как на него отреагировали). Это странный путь, на котором пейоративное подавило и почти полностью покрыло позитив от слова, которое по своей сути было символом (мгновенной или постоянной) защиты жизни народом.

Удивительно, как иногда славные слова приобретают элементы другого измерения и перестают быть славными и величественными. Их звук одинаковый, но суть отличается. Их облик одинаковый, но видение их различно. Где положительное превращается в отрицательное, а отрицательное в положительное? Понимаем ли мы друг друга в эти моменты постоянных трансформаций? Одно можно утвердить... Слову не нужно меняться, чтобы измениться.

„Потому взываю и настаиваю: отзовитесь те, кого нет здесь и сейчас; призываю, пусть огласятся те, кого пока нет, и помогут тем, которые вызваны и до них не дошли; молю, прислушайтесь к тем, кто прямо сейчас призывает всех, которые отзываются, и вызывает тех, кого нет...“

Я призываю вас всех!“

Поступила в редакцию 02.09.2021
Поступила после рецензирования 02.12.2021
Принята к публикации 06.06.2022

Received September 2, 2021
Revised December 2, 2021
Accepted June 6, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Войслав Стоянович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wojislaw Stojanowicz, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia